

ПИЛГМАЖИЛ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ № 2 (7-8) АПРЕЛЬ 1993

ВЛ. НОВИКОВ АВАНТ-АФОРИЗМЫ

1. Авангард есть гипербола прекрасного.
2. Авангард уникален и неповторим. Он властно разделит историю искусства на до и после.
3. Авангард требует не «понимания», а бескорыстного наслаждения.
4. Авангарду нужна вера. Вера в искусство.
5. Авангард — крайняя ультрафиолетовая полоса в радуге искусства, без него нельзя оценить и почувствовать все богатство спектра. Авангард выявляет надкоммуникативную природу всего искусства. Искусство не есть коммуникация, вся его смысловая сторона — только материал. В традиционном искусстве смысловой материал нейтрализуется частично, в авангардном — полностью, но эта разница несущественна в высшем эстетическом смысле. Любое прагматическое применение искусства в познавательных, нравственных, философских, религиозных целях есть профанация.
6. Семиотический подход к авангарду беспомощен так же, как и все другие внеэстетические подходы, поскольку знак для авангарда — материал, одна из красок, но никак не суть.
7. Авангард глубоко национален и столь же глубоко космополитичен, космичен.
8. Антипеза авангарда не традиционность, а бездарность. Авангард необходим художникам-традиционалистам, чтобы ревновать и соревноваться. Настоящий талант может реализоваться как внутри авангарда, так и в страстной конкуренции с ним. Так, красивая женщина, вызывая ревность в дурнушке, помогает ей полностью выявить свою женственность.
9. Читатель, зритель может обойтись без авангарда, но, пока читатель и зритель жив, путь к наслаждению авангардным искусством для него открыт. Другое дело — критики, литературоведы, искусствоведы. Если они не принимают авангарда, значит, они не разбираются в традиционном искусстве, значит, они эстетически фригидны. Гоните прочь этих шарлатанов!
10. Применение авангардных приемов в утилитарных функциях (дизайн, реклама) лишь оттеняет по контрасту природную свободу и бескорыстие авангарда.
11. Не спекулируя религиозностью и «гуманизмом», авангард помогает человеку раскрыть самое таинственное в своей природе.
12. Требую реабилитации русского авангарда. Завистники обвинили его в сотрудничестве с большевизмом. Эстетическая революция и революция социальная случайно срифмовались, но это были абсолютно разные вещи. Гибель Маяковского — ярчайший пример того, к чему приводит попытка утилизировать авангард, заменить «я» на «мы». Авангард внутренне несовместим с тоталитаризмом, он всегда обращен к индивидуальности. В ненависти к авангарду легко сходятся черная сотня и сотни либерально настроенных бездарностей.
13. Времени для споров об авангарде осталось шесть лет с небольшим. Но, независимо от этих споров, авангард уже вошел в структуру мироздания.

Ольга Тарасенко (Украина)

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА ФИЛОНОВА

... Связь Филонова с наследием средневековой иконописи в самом образе жизни, в понимании им роли художника. Как и средневековый монах, Филонов свято верил в свою миссию духовного преобразователя общества. Икона равносильна проповеди. Филонов в несколько ином, современном плане решал ту же задачу, определяя назначение искусства

«быть фактором эволюции интеллекта»...
... Человек в картинах Филонова не выявлен как индивидуальность — он часть природы и пространства, состоит из тех же цветосветовых «первоэлементов»... Он вне времени, так как уподоблен атому и мгновению. Он низведен до атома и возвеличен, увековеченный в первоэлементе космической материи...

ПОЭТИКА РУССКОГО АВАНГАРДА

Конференция с таким названием была задумана в прошлом году. Обстановка впервые в нашей стране стала вроде бы благоприятствовать изучению авангарда. В декабре прошлого года прошла конференция в Уфе, в январе этого года в Москве. К апрелю ситуация несколько изменилась, в том числе и с ценами на билеты и прочие оргмоменты. Поэтому трудно предсказать, будет ли соответствовать конференции намеченной программе. Тем не менее — значительная часть работы уже сделана. Готов сборник

материалов, он выходит целым номером журнала «Кредо».

Не все участники конференции успели прислать материалы в сборник. Некоторые из присланных материалов мы решили представить в «Пигмалионе». Шведская славистка и искусствовед Маргарета Тильберг занимается творчеством Елены Гуро, выдающегося художника и поэта. Это традиционно для Швеции, где постоянно публикуются работы, посвященные Гуро. Ольга Тарасенко из Одессы пристально всматривается в по-

лотна русских художников-авангардистов, находя в их творчестве глубинные традиции. Мы печатаем фрагменты работ исследовательниц. Доктор филологических наук Владимир Новиков — известный критик и литературовед, автор книг о Ю. Тынянове, В. Каверине, В. Высоцком, уникального исследования о пародии, в последнее время выступает в жанре минималистской критики. Его парадоксальные «Авантафоризмы» вовлекают читателя в активное осмысление происходящего в мире искусства.

ПОЭТИКА РУССКОГО АВАНГАРДА

ЗАУ

+∞

ГЕНРИХ САПГИР

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

(ИКОНА)

Мария Веория
зеленые алыни
очаги окрылыми
в яблочном цветку.

Мария Надения
одения светлые
кулавы не касеемо
ходила по саду.

Мария Любавия
светение радоти
невение длание
голубь прилетел

ИГОРЬ

ЛЕВШИН

ЭПИЛОГ

Неподвижность.

Усталая нежность.

Щемящая обувь.

Просто.

Пусто.

Сыро.

Порно.

Рыл шул был.

Есть.

Будет.

Маргарита Тильберг

(Швеция)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНА ГУРО

... Свообразие произведений Гуро в отсутствии человека в ее пейзажах. Они — духовный автопортрет художника. Поэтому другие персонажи оказались бы лишними. В картинах Гуро безраздельно царит пространство. Художница смотрит на мир как бы с птичьего полета... Часто композиционным центром оказывается свободное пространство. Первый план многих картин Гуро (с изображением растения, животного) макси-

мально приближен к зрителю и как бы наложен на панорамно развернутое пространство второго плана... Отсутствие среднего плана... создает эффект монументальности даже в маленьких акварелях.

Предметы в картинах Гуро как бы сотканы из единой с пространством цветовой ткани, они не обладают весом, тяжестью. Пространство картин Гуро космично, как и ее сознание.

Было раннее утро ранней весны, той самой весны, когда уже прилетели скворцы, но еще голы деревья, ночами подмораживает лужи, и, случается, по несколько дней залеживается новоявленный чистый и мягкий снег.

Ольга Ивановна как раз смотрела на этот ночной, но уже не первозданный снег: на дороге его успели перемесить пешеходы, да и на крыше соседнего одноэтажного дома он был весь в осипах следов. Должно быть, какая-то молодая, азартная кошка гонялась спозаранку за галкой и продолжала погоню где-то на невидимой из окна стороне крыши: галки вполосенно кружились, рвала короткую цепочку, исходила лаем привязанная у сарая собачонка.

«Какая же это по счету бедолага коротает свой век на цепи? — подумала Ольга Ивановна. — Наверное, уже третья или четвертая, а кажется, она здесь вечно, невзрачно пегая, коротконогая».

Менялись во дворе хозяйева: перебирались на новые квартиры, умирали, — а собака все оставалась на привязи, на одном и том же месте, нервная, глупая.

Тридцать лет была Ольга Ивановна невольной свидетельницей жизни соседнего двора: наблюдала за нею из окна кухни, с высоты второго этажа. Стояла у газовой плиты, помешивая какое-нибудь варево, и время от времени поглядывала в окно или, как теперь, от нечего делать прицельно смотрела на чужой двор, ожидая, когда в кастрюле согреется вода: опять что-то случилось с колонкой — не помыть, не постирать.

«Не видать мне квартиры с горячей водой», — подумала Ольга Ивановна привычно, без особой, впрочем, печали, но все-таки поспешила утешить себя мыслью, что соседи из дома напротив не имеют и колонки, а надо же, держатся за этот подслеповатый, низенький полубарак и все тревожатся, что его вдруг снесут. Рядом похожий уже разобрали, и года два пустырь на его месте. А тут слух прошел: пустырь не застраивают потому, что собираются ликвидировать все одноэтажные дома на улице и взамен их соорудить нечто высотное, девяти-двенадцатизэтажное с квартирами улучшенной планировки. С испугу соседи забегали по инстанциям и не успокоились, хотя и заверяли их всюду: не снесут.

И что только привязало их, молодых и не очень хозяйственных, к старому, чужому, неудобному дому? Клочок земли, на котором три одичавших корявых яблони и несколько грядок под ними, где из-за тени все равно ничего не растет? Желание чувствовать себя независимо от соседей не только на кухне, но и в коридоре, на крыльце и на тропинке к нему или, может быть, сомнительное удовольствие бегать босиком по снегу к туалету?

В одних трусах, крижистый, краснокожий, мчит по утрам к похожему на скворечник строению хозяин дома. За ним, стараясь обогнать и никогда не обгоняя, огромные галоши мешают, поспешает такой же полуголый и коренастый сынок. Стоит, переминаясь с ноги на ногу, ожидает своей очереди и, неизменно не дож-

давшись, юркает за сарай. Выскакивает раньше отца и пару минут возится с ошалевшей от радости собакой. Пробегая мимо, отец традиционно отвешивает ему подзатыльник. И оба, довольные, бегут к дому. Теперь уже мальчишка впереди — галоши остаются у собачьей будки. И так изо дня в день — осенью, зимой, весной. Что бывает в соседском дворе летом, Ольга Ивановна не знает: его от любопытных глаз закрывают липы. Энергичные, неутомимые, вымахивают они ежегодно выше дома, словно спорят с хозяином, который крушит их каждую весну, обкарнывает до стволов.

собиралась пристыдить собаку. Эта фраза редко произносилась с вопросом. Обычно Ольга Ивановна выражала ей свое недовольство, возмущение: Что это такое!

— Бабушка, ты ничего не видишь что ли? — засмеялась внучка и кивнула влево.

Рядом с ней, рядом с ней... стояла такая же точно девочка в голубом, с такими же тоненькими, как у жука богомола, ручками-ножками, с такими же сияющими, в пол худенького лица, зеленоватыми глазами, с той же лукаво-озорной улыбкой.

«Словно «Голубые танцовщицы» Дега, но, кажется,

«О боже, которая же?» — Ольга Ивановна произвольно посмотрела на окно, на эту сейчас единственную связь с реальным миром.

За окном висел то ли дым, то ли приблизилось нереально низкое облако. И еще увидела она несколько отверстий на среднем стекле, размером и формой повторяющих те, что появились на злосчастном костюме.

Что же делать, кого позвать на помощь, чтобы не стать кроликом в каком-то готовящемся эксперименте? Как позвать? Позвонить! Но девочки цепко держали ее. Одинаково сильно, слишком сильно для пятилетних, да и

— Тем более! Да вы поглядите на него, красавца! Эко, словно гусь, вышагивает.

У красной машины, поджимая то одну, то другую босую ногу, в одних трусах расхаживал хозяин. Собранные зевачи не обращали на него внимания, а он что-то пытался им объяснить, размахивал руками, горячился, но, странно, к дому не рвался.

— Пальто ему что ли Василино вынести или телогрейку?

— Шубку, мою шубку! — Да бросьте, его сейчас увезут, я «скорую» вызвала. А, вон уже подкатила.

Двое молодцев в белых халатах подхватили погорельца под руки, он им тоже пытался что-то втолковать.

— Околесицу все какую-то несет. Говорит, что не пил и не спал, что пришел из туалета, а на столе зеленая девочка сидит.

— Голубая,

— Ну да, голубая, — не увидишь поправке Софья Петровна, — какая разница: допился до белой горячки...

— А где же... куда же... — начала Софья Ивановна и вдруг с ужасом почувствовала, что больше ничего не может сказать — забыла самые простые слова.

— Что? — отозвалась внучка, поддерживая красные маловатые ей колготки. — Ну что, бабушка?

— Откуда этот бант? — Ольга Ивановна вовсе не собиралась задавать этого вопроса; бант был обычным, повседневым.

— Не знаю! — отмахнулась внучка и прыгнула со стула — пожар больше ее не интересовал, да и не было настоящего пожара, к счастью. Пожарные вытащили на потемневший снег дымящийся письменный стол, вытряхнули из него тлеющие книжки и тетради. Потом прибежал из школы мальчик, отвязал присмирившего перепуганного пса, который не пожелал, а может быть, не смог сдвинуться с места.

— Ну как это вы не заметили пожара? — все удивлялась Софья Петровна, когда пожарные уехали, зевачи разошлись, а родственники и друзья подоспевшей хозяйки домика принялись заколачивать разбитые окна.

Ольга Ивановна отмалчивалась, молчала и внучка, играла, как всегда, не хотела есть, как всегда, немного, как обычно, покапризничала перед сном. О чудесной госте она не вспомнила.

А Ольга Ивановна, обследовав окно и не найдя на нем отверстий с оплавленными краями (лишь две трещины-дуги появились на стекле, но, возможно, они раньше были), отправилась сначала к невропатологу, потом, скрепя сердце, и к психиатру. Ни одному из них однако ничего о голубой девочке она не поведала. Врачи нашли ее вполне здоровой. Тогда она стала осторожно рассказывать близким о чудесном происшествии, но неизменно представляла его сном. Наконец и сама уверовала, что это был лишь сон...

И вдруг доставленная в очередной детсадовский карантин внучка прямо с порога спросила:

— А куда девалось то прелестное голубое платье, бабушка? Ну то, что было на мне, когда босой дядька бегал у красной машины.

И. КРАСНОГОРСКАЯ

НЕТ ДЫМА БЕЗ ОГНЯ

«Из-за лип и не заметила, как прелестная зверушка превратилась в это полоумное чучело», — Ольга Ивановна вспомнила, что все-таки видела однажды смену караула в соседском дворе: нес мальчик, когда вселялись, пушистого щенка. И что это пес так разоряется, что его взбудоражило? Не птица и не кошка, которая так и не объявилась на крыше. Да это пес на нее лает, на Ольгу Ивановну, совсем осатанел от неволи. Раньше поднимал переполох только когда она мыла, оклеивала окна и неожиданно возникала вдруг на подоконнике во весь рост, а теперь полоумный уже лица в окне страшится.

Ольга Ивановна взобралась на стул, высунулась в форточку, чтобы пристыдить его, и тут же в комнате закричала внучка, требовательно и ликующе:

— Бабушка, посмотри! Бабушка, посмотри!

Ольга Ивановна слетела со стула и, надев тапочек, — каждый миг дорог! — ринулась на зов. Третьего дня она замешкалась, отмахнулась от крика и — расплатилась почти новеньким шелковым костюмом. Пятилетняя «модница» вырезала на подоле жакета и на юбке разновеликие дырки: «Хотела сделать, как у мамы, ришель». Что сейчас она умудрилась проделывать, проснувшись раньше времени, трудно было вообразить.

Ольга Ивановна ворвалась в комнату — и словно наджинулась на преграду: ни шагу вперед, будто ноги светло.

Внучка стояла у книжной полки и, победно красуясь, улыбалась. На ней оказались голубая пачка, мудрено собранный огромный голубой бант, такого же цвета колготки и балетные туфельки — вещи, которые никогда прежде Ольга Ивановна в своем доме не видела.

— Что это такое? — от изумления она произнесла фразу, какой только что

их было три», — подумала Ольга Ивановна прежде, чем перепугаться, и потеряла глаза. Чудесное видение не исчезло. «Не выпалась, газа надыхалась», — попробовала Ольга Ивановна отыскать его причину и с надеждой перевела взгляд на монстера. Листья ее трепетали, как от сквозняка, хотя форточка была закрыта. Но они не двоились. Телевизор, журнальный столик и разные там безделушки тоже были в одном экземпляре и стояли незбылемо.

— Не бойся, бабушка! — «голубые танцовщицы» говорили в унисон одинаковыми голосами. — Я просто раздвоилась. Просто, просто!

— Нет! — хотела крикнуть Ольга Ивановна, но, к счастью, ужас стиснул ей горло: она могла бы криком, догадкой своей перепугать внучку. Ужас лишил речи, но не отнял способности мыслить, чувствовать, и Ольга Ивановна не поверила в раздвоение. Одна из маленьких «танцовщиц» не была ее внучкой, не была девочкой, не была жительницей Земли. Так вот почему надрылась собака, теперь она не лаяла — выла, и что-то случилось на улице. Мимо окна серыми космами пронеслся дым, вырывался порциями откуда-то снизу, будто там на мостовой объявился вдруг паровоз.

«Кто же из них моя внучка? Что грозит ей? Мне? Для чего задумана эта мистификация, этот нелепый карнавал? Столько мечтала о встрече с пришельцами — и ничего, кроме ужаса. Скорее бы все кончилось? Что кончилось? Что ждет нас, девочка моя?» Но воскликнула Ольга Ивановна:

— Девочки мои! — смогла воскликнуть, — вернулась речь, — и безбоязненно, беспрепятственно шагнула к ним, взялась за протянутые одинаковые ладошки. Ни одна не пронзила током, ни одна не обожгла. Обе наощупь оказались мягкими и теплыми, обычные детские лапки.

та... (которая?), наверное, умела читать мысли.

И вдруг раздался звонок — спасительный! Ольга Ивановна дернулась к телефону и тут же увидела — он отключен. Сама, сама ведь отключила его, чтобы внучка поспала подольше. Звонили в дверь, потом принялись дубасить в нее ногой.

— Откройте! Откройте же! — кричала Софья Петровна, соседка по лестничной площадке.

Ольга Ивановна бросилась к двери, не успев отметить даже, что руки девочки разжались сами собой — ее отпустили.

— Не могла до вас дозвониться, — говорила запыхавшаяся Софья Петровна. — В доме напротив пожар! Я уже пожарных вызвала и встретить их успела. Они уже минут пятнадцать, как тушат, а вы ничего не знаете.

Оттеснив стоявшую в дверях Ольгу Ивановну и не обращая внимания на ее знаки, соседка в шубе и грязных сапогах резво вкатилась в комнату.

— Закройте форточку, у вас же полно дыма!

Теперь только Ольга Ивановна почувствовала его запах.

— Где пожар, где?! — верещала внучка, радуясь небывалому зрелищу, и уже волокла к подоконнику стул. Она была одна.

Соседний дом стоял целехонек и даже не дымился, но возле него суетились пожарные. На мостовой стояла красная машина, от нее куда-то на задворки тянулся шланг. Одно окно было распахнуто настезь, но пожарные зачем-то дубасили ломом еще и по соседнему.

— Странно как-то загорелось, — говорила Софья Петровна, чуть заикаясь от возбуждения, — я никак не могла понять, горит или нет: то есть дым, то нет его — то потухнет, то погаснет. Откуда-то изнутри загорелось. Должно быть, хозяин с сигаретой заснул. Спьяну.

— Так утро еще, когда ему напиток, да и сигарет сейчас не достать.

НАТАЛИЯ ПОПОВА

4-й курс филфака

Надев глаза спаниеля Про

Надев глаза спаниеля
Прогуливаюсь по бульвару
Ауру чищу
Кто-то орет рядом
На ресницах завис смех
Мама мне говорила
Так орать грех
Он не верит
Все своей колбой мерит
По лбу всех других
Мне ли топтать небо
Мокрых луж
Отталкиваясь от впереди
И сзади идущих рук
На папиросной пачке
Пишут стихи
Вы не знали?
И в грязных трамваях
Тоже бывает: поэты
Испысывают билеты
Снова звучит ноктюрн
Распускаясь тюльпаном урн
Из окон глухих домов
И тупиков углов
Солнце последней легендой уходит
Так день проходит
Где вы
Обитатели ночи:
Вчера матери
Сегодня дочери
Одним поздно
Другим рано
Опустошать чужие карманы
Если глаза—витрина спеси
Пусть других бесит
Красный закат —
Шпагат
Узлом сжат
Только своя кровь вкусна
Твоя—соль
Что мне смертной
Чужая боль
Короток срок
Времени ногтей
Царапает
Плохо вижу
Стань ближе
Протянутая рука
Старика дрожит
Так Рок бежит
От моего силка

Птицей
Были бы лица
Красивы. Сливы
Зрелы
А снег белым

Если люди подходят к прохожим
Будут высовывать языки
Все поймут как языки похожи
Значит и мысли тоже
Можно будет отпустить бороды
Чтобы рты не мешали—поднять
вороты

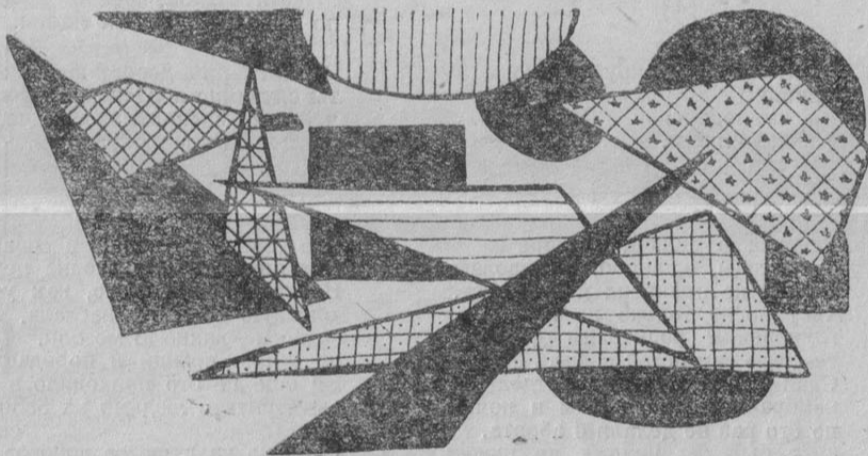
Вчера трое с места упали
Двое встали
Самая страшная ошибка —
Орфографическая
На заборе
Хорошо если кто-нибудь
Поймет смоят
Жизнь прошла
Если и от алкоголя
Меланхолия * * *

Посвящение ГУМИЛЕВУ

Женщине не пристало ритмически
Объясняться в любви
И от того иронически
Ты руки скрестил на груди
За чаем читали Верлена
Это был мой каприз
А птица замерзшая пела
О стране, где цветет кипарис.

На мой клич —
Стяги разом ввысь
На мой зов —
Тысячи шагов
На мой плач—
Только мяч

вскачь.
* * *
Переулок—оторванный кошки
хвост
Кривой позвоночник. Трубопровод
За поворотом—дома, дома
Если считать, то их сорок два

СТИХОТВОРЕНИЕ

О том, как у Гоголя нос пропал
И о том, что все фарс
Особенно, Даниил Хармс
О том, как трудно считать слонов
Ночами холодно. Не до стихов.
* * *

Мне никогда не подслушать
Даже если случайно
Окон уснувших тайну.
И в мокрых ладонях асфальта
Мне не увидеть город
Сиреневый, как у Фалька

ГЕННАДИЙ

МИНАЕВ

Студент ТГПИКа

Эдип

К гортани мой язык прилип,
О каждый камень спотыкаюсь.
Вдали от родины скитаюсь
Я, всеми проклятый Эдип.
Потомков Кама косит мор,
И ополчился брат на брата.
О, беспощадная расплата,
Скуп на слова твой приговор!
Всяк смертный в ужасе бежит
Нас с дочерью как мерзких гадин.
И пустоту горящих впадин
Слеза—и та не оросит.
Но тихий голос позовет,
Рассеется земная чара,
И даже легкой струйкой пара
Не омрачится небосвод.

ОСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Тени причудливо лягут,
Линией напоминая
Нагромождение пагод
В древней столице Китая.
Против распахнутых окон
Ветер на дерево сядет.
Девичий, ласковый локон
Издали нежно поглядит.
Вот беспощадною стаей
Птицы на юг полетели.
Ветер, зимой напевай ей
То, что они не допели.

АЛЕКСЕЙ

КИСЕЛЕВ

3-й курс филфака

В лавке у старого немца

лежит моя голова,
Под колпаком бьется сердце
и душа ни жива ни мертва.
Костлявые, тонкие пальцы
считают вырубку дня.
Щелкают счеты разницу —
У всего есть своя цена.
Падает снег на витрины,
Фонарик газовый спит.
Раскаляется уголь в камине,
свечка у кассы горит.
Дверной колокольчик,
звякнув,
известил о кончине дня.
Свечение звездных знаков
проступает в квадрате окна.
Слепые встают с постели —
идут на звезды сквозь мрак.
Направляют руки растений
слепых неуверенный шаг.
Кружатся в бешеном вальсе
звезды над головой.
Танцуют слепые в экстазе
танец особенный, свой...
И смотрят они сквозь витрины
на мои живые глаза,
И вечер по-зимнему — длинный...
И слышу я голоса...

МИХАИЛ ТИТОВ

ГЛИНОБИТНЫЕ ТАБЛИЧКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(ТРАГЕДИЯ)

Мария сидела на краю балкона, махала ногами и напевала: «Куда, куда вы удалились?» И вдруг ее осенило: а, действительно, куда они удалились? Она только раз уже пела эту строчку, что сроднилась с ней и даже не задавалась вопросом: куда они могли удалиться? Куда? Куда?.. Она разрабатывала версию за версией, но ни одна из них не казалась ей убедительной. Куда же?..

Еще вчера она беззаботно перепархивала с цветка на цветок, как заправская балерина была ножкой о ножку, совершенно не беспокоясь о завтрашнем дне. Она легко влюблялась, отдавалась любви вся без остатка, но как только чувствовала, что любовь умерла, так же легко забывала о ней и летела дальше. Как легкий мотылек, ночью летящий на любой источник света, так и она, закрывая глаза, заранее предчувствуя поражения и победы, стремилась быть любимой всеми мужчинами. Она, обманываемая и обманывающая других и себя, нисколько не переживала, из-за чьих-то и своих измен. Это да еще мелкие житейские проблемы и бытовые неурядицы были вне ее жизни. То ли она сама так старательно обходила эти мели в фарватере своего бытия, то ли вообще для нее не существовало. Впрочем, она сама не смогла бы от-

ветить на этот вопрос.

Все это было вчера, в прежней жизни. А уже с сегодня, с самого утра надоедливой мухой кружит у головы один и тот же вопрос: куда, куда вы удалились?..
Вчера. Ах, это сладкое слово—вчера!.. Вчера она была легкой, изящной, только что вылупившейся из мохнатого кокона детства бабочкой. Ее любили, ею восхищались. Ей дарили цветы и посвящали стихи и песни... Ее переполняла любовь... Все эти важные шмели, солидные, в черных фраках, королевы, беззаботные, как и она сама, комары—надеялись и жаждали ее любви. И она с радостью делалась ею со всеми. «У меня много любви, хватит на всех»,— говорила она смеясь и дарила себя, и упивалась своим великодушием и щедростью. Так проходили дни и ночи вчера... Но... Так всегда бывает в жизни: обязательно где-то встретится глупое «но», которое перевернет все вверх ногами...

Но уже ближе к «сегодня» она стала замечать, что блеск ее позолоты померк, крылья перестали подниматься с прежней легкостью, а глухой шум в сердце стал забивать прежнее нежное любовное дрожание... Ну, куда, куда вы все подевались?..— навязчивая мысль стала мучать, изводить ее. Она не давала Марии спать и заставляла среди ночи искать ответа в пьяном угаре. Куда?— плакало в ней все. Куда? — сальной слезой стекало с огарка свечи бессонными ночами. Куда? куда? куда?— отбивали такт часы. И даже ревущий, уроченный трубами поток воды, издеваясь над ней, стоил: ку-у-да? ку-у-да?..
«Последний вылет. Я обязательно выясню, что же произошло?»,— срывая платье в стенном шкафу, мысленно кричала она...
Город, загнанный дневной людской беготней и шарка-

нием машин, беспокойно спал, изредка вскрикивая гудками заводов и перекличкой одиноких памятников на старых площадях. Цоканье острых каблучков разбудило и даже напугало его, и он, утомленный и опечаленный, тихо зашелестел листвою вековых дубов. «Кто ты?»— спросил город, но каблучки не ответили ему и продолжали цокать по его полопавшейся, больной спине. Город обиженно притих и сделал вид, что заснул.
Каблучки остановились у подъезда, раздетого в мягкий седеющий плющ. Многоглазый дом подсматривал за ними желтым светящимся окном. Видимо, им и нужен был этот подъезд, раз они быстро, изредка сбиваясь с такта, застучали по ступенькам.
Звонко разорвал тишину, и удивление разлилось по квартире. «Кто ты?»— немой вопрос повис в воздухе. От напряжения каблучки задрожали: откроют или нет? С тяжелым вздохом

дверь отворилась и на едином дыхании вопрос-восклицание: «Мария—ты — почему — так—поздно?!.. И долгие объятия, и страстный поцелуй, и плеск спадающей одежды...

... Говорят, что давным-давно, когда не было на земле печальных городов и умирающих рек и не было бумаги и чернил, и люди, скупая друг без друга, писали письма на глиняных дощечках, жил где-то в Средней Азии человек, который первым задался вопросом: куда все уходит? И этот вопрос, впервые записанный острой палочкой на мягкой глине, видоизменяясь, живет в каждом из нас. И мы, просыпаясь среди ночи, горькими слезами выплескиваем его в пух подушки: куда, куда вы удалились?.. И ищем ответа... И не находим его...

Мария вышла. Так же звонко простучали по стертым ступеням острые каблучки, так же тяжело хлопнула входная (теперь уже—выходная) дверь, отсекая от прошлого... Все было так же... И все той же назойливой мухой надоедал вопрос — неразрешимая школьная задача из потрепанного учебника, которую надо решить самой, а уже ни сил, ни желания не осталось. А до подсказки старого и строгого учителя целая ночь... Куда?..

ПОЭТ ЕВГЕНИЙ ХАРЛАНОВ

Не хочется ставить это имя в черную рамку, но среди нас уже нет Евгения Харланова — поэта, ученого-философа, доброго человека, умевшего не прикасаться к антипоэтической нечистоте. Это ему стоило дорого, зато теперь он уже ведет мудрую беседу с Фетом и Тютчевым, в упор слушает Данте. Поэту Харланову есть что сказать, он достоин самых высоких оценок и самых изысканных собеседников. Все это можно было видеть очень давно, по крайней мере — предполагать, но нам мешала это сделать провинциальная теснота: поэт Харланов был среди нас, рядом с нами, почти таким же, как мы. Чтобы представиться великим, надо далеко отойти...

Мы печатаем то, что есть — нового уже не будет. И то, что есть, придется еще долго осмысливать. За это время шаткое бы развалилось, ложное подверглось поруганию, а стихи Харланова только укрепятся временем. Время пойдет им на пользу.

В. РУДЕЛЕВ.

ЕВГЕНИЙ ХАРЛАНОВ

С. БИРЮКОВУ

Рос Серьга — агрессор.
Сек рамы — Маркес!
Море пером
резал, как лазер.

Лингвистические проблемы

Там у портьеры ветхой ночи,
под бахромой темноты
обдумывают что-то молча
высоколобые чоты.

А в полночь
вдруг раздастся «эврика».
«Нашел» кошачий Архимед.
А на старух найдет истерика,
для них кошачье слово — бред.

Воспринимался бы иначе —
осмысленнее и нежней —
лишь изучи язык кошачий,
он «пиджин-инглиш» не сложней.

Зачем собак и пони маем?
В отличие от других скотин,
мы языка не понимаем
и своего,
коль не хотим.

Эти глазки с округлостью
вишни
и смородины
сердцу любви.
И еще

Признаки «детскости»

КАРМУ СУМРАК

ЛИЛ...

Тепел лепет
лип, Отопил
золото лоз.
Ангел лег на
лак сини скал.
И бог Гоби
лилово лил
кармы мрак,
Но и пион
лал клал
на сан
тенет
тени... И нет
боли, И лоб
бел, Хлеб
черен, О, но не речь!
«Так Азии закат
горит и рог —
ал рог у горла.
Тут
Муза, разум,
чутье туч.
Ищи
себе небес
тут».
Амен! Нема
голова таволог.
А холоп от речи чертополоха
сед здесь...

У детенышей высших;
скажем, кошек,
округлые лбы.

Крутолобость детей
показательна:
так высоты обзора круты.
Но уходит судьба
по касательной,
по низинам нужды и тцеты.

И опять при дороге вечерней
ты случайно подденешь ногой
чей-то скошенный злобою череп —
знак придушенной жизни,
другой!

Братьев меньших
и наших ребятки,
чьих предтеч в вас скрывают
века,
что в вас явно погибнет в задатке,
что невольно
ласкает рука?

Интуиция зверства и злобы
измышляет
и в нашем краю
бить котят
обо лбы крутолобых,
чуя в них
обреченность свою.

В. РУДЕЛЕВ

Танец

В длинном коридоре общежития,
пахнущем густым настоем комнат
и банальным духом общей кухни,
и отвратной сыростью уборных, —
там, где обувь возле каждой двери,
словно ржавый скот у водопоя,
где, как солнце, залитое тушью
облаков невзрачных и недобрых,
лампочка мерцает еле-еле,
танцевала девочка больная.

Целый год она не выходила
и с постельки даже не вставала.
Доктора в халатах белоснежных
от нее надменно отвернулись,
из больницы выписав с обидой,
а диагноз так и не поставив.
И тогда пришел противный сторож,
что не просыпался от рождения.
Был он будто вылеплен из глины,
с грязною морковью вместо носа.
Девочке он возвратил тиару
с синими, как у звезды, лучами,
голубые камушки-глазочки
в золотых глазницах ожерелья,
как ручьи, звенящие, запястья
и, как дождь, шуршащие подвески,
и другие дивные предметы,
что когда-то снял с нее при входе.
Очень они были неприятны
бабке, что жила у самой кухни.

Бабка, что жила у самой кухни,
рыхлая, будто вилок капустный,
брошенный хозяином в помойку,
возле комнат с чайником ходила.
Если кошку или пса увидит,
неприменно им хвосты ошарит.
А потом усядется на лавку
и до ночи смотрит телевизор.
Ни за что не даст жильцам покоя:
шаркает и кашляет, и чхаёт.

Девочка в сияющей тиаре
от звезды, наверно, откололась.
Да. Ее не приносил к нам аист.
Аист носит только по заказу,
глупеньким родителям детишек —
тем, кто сам детей рожать не хочет.
Спали бы супруги не отдельно,
не бранились по утрам и ночью,
по сто раз не делали б аборт,
аист был бы никому не нужен.

Бабка, что жила у самой кухни,
первая заметила девочку.
Та без направленья к нам явилась,
жить намеревалась без прописки.
«Чьих ты будешь?» — спросила
язва.

«Их!» — легко ответила девочка,
указавши пальчиком на небо.
Вот тогда и подошел к ним сторож,
чтоб занять у вредной бабы трешку
да хватить в котельной
солнцедара.

Через семь дверей общежитийских
он провел небесную девочку,
каждый раз воруя ее вещи.
«Ты зачем украл мою тиару?» —
«Видел я в гробу твою тиару!» —
«А запястья для чего
снимаешь?» —

«Молода еще носить запястья!
Чего доброго и губы красишь?
Ты смотри: у нас тут, брат,
не вольно.

Аморалку, понял, не прощают!»
«Слушай, дед, отдай мои
подвески!» —

«Чо орешь — как будто из дурдома.
Вот сейчас в санпропускник
отправлю —
там с тебя и все другое съмут.

Шмотки я твои в кладовку брошу.
Как захочешь — принесу обратно.
Только здесь у нас такие вещи:
навсегда забудь назад дорогу!
Десять лет иные ждут квартиру,
даже есть такие, что и двадцать.

Бабка, что жила у самой кухни,
дрыгала ногою от злорадства.

Что теперь ей кошки и собаки.
Вот она задаст девочке перцу!
На головку, светлую, как утро,
головную боль она наслала,
на ноги — какие-то мозоли,
на руки — прыщи и бородавки.
Ей еще не это приходилось
вытворять с людьми на белом
свете.

Сколько на душе ее доносов,
анонимок, жалоб и предательств.
Муж ее, который умер летом,
гоже не любил сидеть без дела:
разломал в своем поселке церковь,
сотню баб смазливых обрюхатил,
а мужей их на тот свет отправил.
Жил безбедно, счастливо и умер —
как святой, без «охов», сожалел,
что не всех угробил, кого надо.
«Больше надо было уничтожить!» —
так и бабка думает частенько,
если слышит, как соседка ставит
модную Эдит Пиаф пластинку
или мужу нежно угождает
или песенку поет чуть слышно. —
Вот порядок был — так уж порядок!
Хоть бы время прежнее
вернулось!»

В длинном коридоре общежития,
светлом от сияющей тиары,
от горящих золотом подвесок,
от блестящих, как ручьи, запястий,
от дикийновного ожерелья, —
танцевала крохотная фея,
утренней звезды кусочек малый,
на земле невиданное чудо
(никогда таких чудес не будет!),
перед тем, как этот мир покинуть...

Е. ЛЕБЕДЕВА

Безболезненна кончина
опадающей листвы.
Для кручины нет причины —
это мне сказали Вы.
Что же, право, за кручина,
Коли дождик скупо льет?
Так оплакивает чинно
осень скорый Ваш отлет.

Баллада о двух копейках

Ты появился в тот момент
(и это было очень кстати),
когда с подложки монет
уже исчезло в автомате.
Ты был растерян и смешон.
Ты улыбнулся виновато:
— Вот — только гривенник нашел.
Он подойдет для автомата!
А я качала головой,
не принимая «дар бесценный».
Ты ж, от смущенья сам не свой,
взывал о помощи к Вселенной.
И протянул мне лунный диск.
Он был, как новая монета.
Впервые глядя сверху вниз
на величавую планету,
я понимала, что Луну
держу в ладонях в кои веки!
Но я тебе ее верну —
мне надо только две копейки...
... И вот опять я не найду
ту злополучную монету.
Тебя нет рядом, на беду.
И даже гривенника нету...
1988—1992

Из Шамиссо

Какое бремя страшных лет!
Лихое время нужд и бед!
И роковая тягость дней!
Так жизнь пройдет.
Господь же с ней!
Составители:
С. БИРЮКОВ и
В. РУДЕЛЕВ.

Свидетельство ТВ-000086. Учредители: ректорат, профком преподавателей
и сотрудников, профком студентов Тамбовского ордена «Знак Почета» педагогического института.
Тамбовская государственная типография «Пролетарский светоч».

Заказ № 2428

Тираж 1000 Цена договорная. Наш адрес: пр. им. 50-летия ВЛКСМ, 14, к. 49, 50. Телефон: 33-20-59.

Редактор
А. МИХАЙЛОВА.